

ТАК РАЗВЛЕКАЛИСЬ АРТИСТЫ ЦИРКА

Я познакомился с Леонидом Бабушкиным в «МК». Он пришел туда выпить кофе, я стоял в очереди за ним. «Вы знаете, Дима, - обратился он ко мне, - вы еще маленький, а я ведь видел самого Заикина». - «Да ну?» - оторопел я. «Знаете, что потерял современный цирк, - французскую борьбу».

После этого мы долго говорили. Он рассказал мне массу невероятного. Я не удержался и записывал. Предлагаю вашему вниманию то, о чем вспоминал Леонид Бабушкин, что стало моим личным путешествием по большому цирку.

Дмитрий Минченков

Существует справедливая поговорка: «Каждый по-своему с ума сходит». Мой приятель Генка Варламов был без ума от бильярда. Самым счастливым днем в его жизни стал тот день, когда он наконец-то приобрел наклею для кия из настоящей гиппопотамовой кожи. Считалось, что эта крошечная нашивка, вырезанная из кожи экзотического животного и наклеенная на конец кия, гарантирует игроку от кикса, то есть от соскальзывания кия с шара при ударе. Генка и меня затаскивал в бильярдные. Особенно часто ходил он играть в бильярдную гостиницы «Метрополь». Находилась она в глубоком подвальном помещении, куда не долетали грохот трамваев и гудки автомобилей. В полутьме ярко высвечивались зеленые прямоугольники бильярдных столов, обтянутые старинным сукном. За первым столом постоянно играли «лучшие кии» Москвы Бузулуцкий и Бейлис.

В бильярдной «Метрополя» собирались в основном завсегдатаи. Приходили сюда известные писатели и поэты, художники и журналисты. Но вместе с настоящими любителями этой игры у столов подвизались и «жучки» - профессионалы, сделавшие кий средством наживы. Однажды Генка замер с кием в руках, а по залам пробежал приглушенный гул. К столам неторопливо подошли два человека. Один из них, широколицый брюнет с цыганскими глазами, был одет в модный светлый пиджак, который не скрывал, а скорее подчеркивал мощный атлетический торс мужчины. Это был штангист Григорий Новак, только что выигравший чемпионат мира. Впоследствии он долгое время работал в цирке, выступая со своим силовым аттракционом. У Новака было необычное отчество - Ирмович. Он был артист-гиревик, десятикратный чемпион СССР по тяжелой атлетике в разных весовых категориях. Его коронным номером было невероятное: лежа на подушке, артист балансировал ногами тяжелую металлическую ферму с треком, по которому ездили четверо партнеров на мотоциклах. Это был настоящий богатырь, может быть, сравнимый только с Иваном Заикиным.

Его спутник, худощавый, с интеллигентным лицом и мягким взглядом больших голубых глаз, одетый не так броско, но

весьма элегантно, был известный бильярдист Аркаша-Пижон. В другой раз в бильярдной появился мужчина лет двадцати пяти - тридцати, плотного сложения, немного сутулый, с чуть одутловатым лицом. Медлительной, ленивой походкой он подошел к свободному столу, постоял около него, словно в раздумье, потом подхватил с сукна восемь шаров и стал подбрасывать их над головой. Шары взлетали по одиночке, парами, четверками, а потом образовывали в воздухе живой вращающийся эллипс. И жонглировал мужчина какими-то ленивыми, скупыми, но исключительно точными движениями сильных рук.

- Какой? - вдруг крикнул он, не глядя на взлетающие шары.

- Тройка! - отозвался кто-то.

- А-п!

Неуловимо мягким, кошачьим движением жонглер поймал один из шаров себе на шею и так же мягко скатил его на сукно стола.

На шаре стояла цифра «3». Вокруг заплывали.

Мужчина же поймал остальные шары, сложил их на бильярд и, не сказав больше ни слова и не попрощавшись, вышел из зала.

- Это же Океанос! - зашептал мне Генка.

Так я впервые увидел Николая Ольховикова, работавшего тогда прыгуном на подкидных досках в номере отца, выступавшего под артистическим псевдонимом Океанос.

- Было такое, было! - смеялся Николай Леонидович. - Ольховиков пользовался особой любовью и расположением Байкалова.

Сам будучи до мозга костей влюбленным в цирк, Байкалов прощал Ольховикову даже «из-

мены» цирку. В свое время Ольховиков, кстати сказать, очень одаренная и богатая натура, поставил цирк и поступил в Московскую консерваторию. Обладая хорошими вокальными данными, Николай Леонидович всерьез подумывал о карьере оперного певца. Он уже исполнял на сцене партию Лыкова в «Царской невесте», ариозо Трике в «Евгении Онегине». Но цирк оказался сильнее, и после значительного перерыва Ольховиков вновь появился на манеже.

Шли ночные репетиции. Вел их режиссер Арнольд. Рядом с ним сидел Байкалов. На манеж вышел Ольховиков. В пальто.

- Коля, здесь не вокзал, - громко произнес Арнольд. - Иди и надень костюм.

Через пять минут Ольховиков появился в костюме.

- Коля, а грим? Иди загримируйся.

Напрасно артист уверял, что на простую репетицию не стоит гримироваться, Арнольд был неумолим.

Но когда Ольховиков вышел на арену теперь уже и в костюме, и в гриме, Арнольд Григорьевич хлопнул в ладоши:

- Все, товарищи, репетиция окончена! Спасибо, вы свободны.

Ольховиков покраснел от негодования. А Арнольд, подхватив под руку не менее красного Байкалова, увел его из зала. Он был доволен своей маленькой шпилькой и «любимчику», и рикшотом «любящему»...

РУМЯНЦЕВ, КАРАНДАШ,
ФЛОМАСТЕР

Речь идет о Михаиле Николаевиче Румянцеве, которого мы знаем как Карандаша.

В 1976 году яркая афиша около цирка на Цветном бульваре известила вновь: «На арене - Карандаш!» Это были юбилейные выступления артиста, которому тогда исполнилось 75 лет.

Но честное слово, видя Карандаша на арене, трудно было поверить, что ему столько лет. Действительно, права пословица, что истинный талант не стареет.

О Карандаше рассказывать очень просто. В этом человеке наряду с ярким талантом уживались крайне противоречивые черты характера, подчас ставившие в ту-

Слева направо: М. Шуйдин, Р. Ширман, А. Юсупов, А. Ширман, В. Дуров, Ю. Егоренко, М. Местечкин, Карандаш, Ю. Никулин, А. Векшин, М. Ширман